

Памяти Андрея Бѣлаго

Извѣстіе о смерти Бѣлаго ударило по душѣ тягчайшимъ молотомъ: пришелъ совершенно неожиданно и прозвучало никакъ не вмѣщаемой сознаниемъ невѣроятностью. Послѣ внезапнаго отъѣзда Бѣлаго изъ Берлина въ Россію, я, думая о Москвѣ, постоянно думалъ и о немъ въ ней; вѣрнѣе представлялъ себѣ его (вѣроятно на основаніи прежнихъ встрѣчъ и дошедшихъ до меня слуховъ, что онъ живетъ подъ Москвой), то въ подмосковныхъ просторахъ на какихъ-то сбѣгающихъ къ вечерней зарѣ тропяхъ, то надъ простымъ сосновымъ столомъ у окна, пишушимъ своего «Архангела Михаила» (о томъ, что Бѣлый работаетъ надъ такимъ романомъ рассказалъ мнѣ на «движенскомъ» съѣздѣ въ Саровѣ нѣкій Гофманнъ, видѣвшій Бориса Николаевича въ Москвѣ кажется еще въ 1929-1930-мъ году).

Съ официальной Москвой образъ Бѣлаго, несмотря на нѣкоторыя «коммуноидности» въ его послѣднихъ писаніяхъ, въ моемъ представленіи никакъ не связывался. Правда, было все время ощущеніе правильности того, что живетъ онъ не съ нами, въ эмиграціи, а въ Совѣтской Россіи; но это ощущеніе его бытійственной и стилистической принадлежности къ вулканической почвѣ «Взвихренной Руси» ни въ какой мѣрѣ и степени не означало его духовнаго родства, или хотя бы только отдаленнаго свойства съ духомъ третьяго интернаціонала и экономического матеріализма. Присланный мнѣ въ февралѣ этого года вырѣзанный не то изъ «Правды» не то изъ «Извѣстій» шаржъ «Бѣлый на лекціи», вполне подтвердилъ мнѣ мое представленіе о не совѣтскомъ обликѣ совѣтскаго Бѣлаго. Изображенъ Бѣлый на немъ въ своемъ старомъ сюртукѣ съ широкими реверсами и летучими фалдами, въ высокому крахмальному воротникѣ и съ вѣющими чернымъ бантомъ вмѣсто гал-

стуха. Анатэмскіе когтистыя пальцы въздѣтыхъ къ небу рукъ и рысьи лучки волосъ на вискахъ полысѣвшаго черепа кажутся не каррикатурными преувеличеніями, а лишь вполнѣ оправданными стилистическими заостреніями. Слегка расширенный безуміемъ, очевидно зеленый взоръ волчьихъ глазъ хмуро опущенъ къ землѣ и все-же крылатъ. Типично бѣловскій взоръ - мячъ, постоянно ударяющійся о твердые предметы на землѣ и отлетающій отъ нихъ въ высь, въ пустоту, въ темноту...

Съ тѣхъ поръ какъ познакомился съ Бѣлымъ въ зиму 1909-10 года помню его предѣльно нервнымъ, усталымъ и больнымъ, такимъ, какимъ онъ самъ изобразилъ себя въ предисловіи къ «Первому свиданію»:

«Давно поломанная вещь,
Давно пора меня въ починку,
Високъ — винтящая мигрень...
Душа — кутящая...

Но несмотря на болѣзненность Бѣлаго, я былъ почему-то увѣренъ, что онъ проживетъ долго. (Помню отчетливо, что ту же увѣренность высказалъ вскорѣ послѣ смерти Блока въ разговорѣ со мною кто-то изъ писателей, близко знавшихъ Бѣлаго. Было это, если не измѣняетъ память, на литературномъ вечерѣ Ходасевича въ Союзѣ писателей). Причина этой увѣренности заключалась, думается, въ томъ, что всѣ болѣзни Бѣлаго, этого безтѣлеснаго существа, казались не столько физическими недугами, сколько, говоря его собственнымъ антропософскимъ языкомъ, помраченіями его ауры, мѣшающими его блистательной даровитости создать нѣчто не только почти геніальное, но и вполнѣ совершенное. Все-же Бѣлый все время росъ и потому казалось, что онъ въ концѣ концовъ ослабитъ свои болѣзни, свои недуги, вратеть въ форму своего совершенства, и ясною старостью взойдетъ надъ всѣми своими зарницами опоясанными хаосами. Сама сложность его дарованія и извилистость его пути требовали долгаго вызрѣванія и не вѣрилось, что судьбою ему будетъ отказано въ немъ. Въ смерти Бѣлаго есть нѣчто метафизически непоправимое, навсегда оставляющее безъ объединяющаго и вѣнчающаго купола все свершенное имъ; и даже больше, — нѣчто низводящее вѣчную ночь надъ всѣми достиженіями его бурнаго творческаго восхода.

Смерть Бълаго — подлинно безвременная кончина; отсюда и наша великая печаль о немъ.

Къ этой печали присоединяется другая. Менѣ безкорыстная, но не менѣ острая. Бѣлый былъ для многихъ изъ насъ, людей кровно связанныхъ съ расцвѣтомъ московско-петербургской довоенной культуры послѣднею своею крупною фигурой въ Совѣтской Россіи. Всматриваясь въ покинутые нами и все болѣе уходяшіе отъ насъ берега, мы чувствовали: Бѣлый и тѣ нѣсколько человекъ, съ которыми онъ послѣ нашей разлуки остался вмѣстѣ, это наша еще видная намъ пристань. Отъ нея мы отчалили, къ ней, быть можетъ, могли бы причалить, если-бы были намъ суждены возвратъ. И вотъ бурнымъ теченіемъ времени снесена пристань. Взоръ памяти — онъ же взоръ надежды — растерянно блуждаетъ по гаснущему берегу и не на чемъ ему больше остановиться... Нѣтъ сомнѣнія — смерть Бълаго это новый этапъ развоплощенія прежней Россіи и старой Москвы. Это углубленіе нашей эмигрантской сироты и иного одиночества.

Съ тѣми, для кого всё это не такъ, для кого все творчество Бълаго только сумбуръ и невнятица, а онъ самъ чуть ли не большевикъ, спорить не буду; пишу въ совершенно личномъ, лирическомъ порядкѣ.

Да, нѣтъ сомнѣнія, что въ годы короткой передышки между двумя революціями и двумя войнами, въ десятилетіе отъ года 1905 до года 1915-го Россія переживала весьма знаменательный культурный подъемъ. Въ Москвѣ, въ которой жилъ тогда Бѣлый и на фонѣ которой помню его, шла большая, горячая и подлинно-творческая духовная работа. Протекала она не только въ узкомъ кругу передовой интеллигенціи, но захватывала и весьма широкіе слои. Писатели, художники, музыканты, лекторы и издатели безъ всякихъ затрудненій находили и публику, и деньги и рынокъ. Въ Москвѣ одно за другимъ возникали все новыя и новыя издательства — «Вѣсы», «Путь», «Мусажетъ», «Софія»... Издательства эти не были, подобно даже и культурнѣйшимъ издательствамъ Запада, коммерческими предприятиями, обслуживающими запросы книжнаго рынка. Всѣ они исходили не изъ запросовъ рынка, а изъ великаго духа и осуществлялись не пайщиками акціонерныхъ обществъ, а творческимъ союзомъ разнаго толка интеллигентскихъ направленій съ широкимъ размахомъ молодого меценатствующаго купечества. Потому и гнѣздилась въ нихъ и распространялась во-

кругъ нихъ совсѣмъ особая атмосфера нѣкоего зачинающагося культурнаго возрожденія. (Филологи — Вячеславъ Ивановъ и С. М. Соловьевъ — прямо связывали Россію съ Греціей и говорили не только о возрожденіи русской культуры, но и о подлинномъ русскомъ ренессансѣ).

Во всѣхъ редакціяхъ, которыя представляли собою странную смѣсь литературныхъ салоновъ съ университетскими семинаріями, собирались вокругъ ведущихъ мыслителей и писателей писательскій молодежь, наиболѣе культурные студенты и просто публика для заслушанія рефератовъ, беллетристическихъ произведеній, стиховъ, больше же всего для бесѣдъ и споровъ.

За нѣсколько лѣтъ этой дружной работы обликъ русской культуры подвергся значительнѣйшимъ измѣненіямъ. Подъ вліяніемъ релігіозно-философской мысли и новаго искусства символизма сознаніе рядового русскаго интеллигента, воспитаннаго на дочорошенныхъ классикахъ общественно-публицистической мысли, быстро раздвинулось какъ въглубь, такъ и въширь.

Запѣла на выставкахъ «Міра искусства» освободившаяся отъ передвижничества русская живопись. Крѣпли музыкальныя дарованія — Скрябина, Метнера, Рахманинова. Отъ достиженія къ достиженію, пролагая все новые пути, подымался на недосягаемыя высоты и русскій театръ. Черезъ всѣ сферы этого культурнаго подъема, свидѣтельствуя о духовномъ здоровіи Россіи, отчетливо пролегали двѣ линіи интересовъ и симпатій — національная и сверхнациональная. Съ одной стороны воскресали къ новой жизни славянофилы, Достоевскій, Соловьевъ, Пушкинъ, Баратынскій, Гоголь, Тютчевъ, старинная икона, (журналъ «Софія»), старинный русскій театръ (апокрифы Ремизова), Мусоргскій (на оперной сценѣ — Шаляпинъ и на концертной эстрадѣ — М. А. Оленина д'Альгеймъ). Съ другой стороны съ одинаковымъ подъемомъ и въ значительной степени даже и тѣми же людьми издавались и изучались германскіе мистики (Бѣме, Эккехардтъ, Сведенборгъ) и Ницше. На театрахъ и прежде всего на сценѣ Художественнаго театра замѣчательно шли Ибсенъ, Гамсунъ, Стринбергъ, Гольдони и другіе, не говоря уже о классикахъ европейской сцены. Собирались изумительнѣйшія, мірового значенія, коллекціи новѣйшей французской живописи и неоднократно заслушивались въ переполненныхъ залахъ доклады и бесѣды такихъ «знатныхъ иностранцевъ», какъ Верхарнъ, Матиссъ, Маринетти, Когенъ...

Провинція тянулась за столицами. По всей Россіи читались

публичныя лекціи и всюду, даже и въ отдаленнѣйшихъ городахъ собирались живыя и внимательныя аудиторіи, которыя не всегда встрѣтишь и на Западѣ.

Но конечно, не все было здорово въ этомъ культурномъ и экономическомъ подъемѣ. Оторванный отъ общественно-политической жизни, которая все безнадежнѣе скатывалась въ сторону темной реакціи, онъ не могъ не опадать въ душахъ своихъ случайныхъ носителей, своихъ временныхъ попутчиковъ ложью, позою, снобизмомъ. Вокругъ серьезнѣйшей культурной работы въ тѣ годы начиналъ завиваться и темный душокъ. На окраинахъ «Новаго града» (Бѣлый) религиозной культуры мистика явно начинала обертываться мистификаціей, интуитивизмъ символическаго искусства — нарочитою невнятной модернизма и платоновскій эросъ — огарковствомъ Аршбабаневъ. Къ этимъ запахамъ духовнаго растлѣнія примѣшивался и доходилъ до московскихъ салоновъ и редакцій и болѣе страшный и тревожный запахъ гари. Подъ Москвой горѣли лѣса и готовилась вновь разгорѣться тлѣющая подъ пепломъ революціи, то пройдутъ по бульвару пыльщики и покроютъ послѣдними словами нарядную барыню съ кучевостымъ догомъ за то, что марнала она свою суку чай при «дохтурѣ», въ то время какъ бабы въ деревнѣ рожаютъ безъ повитухъ, то пьяные мастерные жутко прогрозятъ громадными кулаками въ открытыя окна барскаго особняка...

Въ эти годы московской жизни Андрей Бѣлый съ одинаковою почти страстностью бурлилъ и пѣнился на гребняхъ всѣхъ ея волнъ. Онъ бывалъ и выступалъ на всѣхъ засѣданіяхъ «религиозно-философскаго общества»; въ «литературно-художественномъ кружкѣ» и въ «Свободной эстетикѣ» воевалъ противъ писателей натуралистовъ; подъ общимъ заглавіемъ «На перевалѣ» писалъ въ «Вѣсахъ» свои запальчивыя статьи то противъ мистики, то противъ музыки; редактировалъ коллективный дневникъ «Мусагета» подъ названіемъ «Труды и дни»; бывалъ у Скрябиныхъ, Метнеровъ и д'Альгеймовъ, увлекался вагнеровскою идеей синтетическаго театральнаго дѣйства (выступалъ даже со вступительнымъ словомъ на открытіи Maison de Lied Олениной д'Альгеймъ), воевалъ на полулегальныхъ собраніяхъ толстовцевъ, штундистовъ, православныхъ революціонеровъ, революціонеровъ просто и всякихъ иныхъ взбалаченныхъ людей и, сильно забирая влѣво, страстно спорилъ въ политической гостини Астровыхъ.

Перечислить все, надъ чѣмъ тогда думалъ и мучился, о чемъ спорилъ и противъ чего неистовствовалъ въ своихъ вы-

ступленіяхъ Бѣлый, рѣшительно невозможно. Его сознаніе подслушивало и отмѣчало все, что творилось въ тѣ канунные годы какъ въ русской, такъ и въ міровой культурѣ. Недаромъ онъ самъ себя охотно называлъ сейсмографомъ. Но чего бы ни касался Бѣлый, онъ въ сущности всегда волновался однимъ и тѣмъ же — всеохватывающимъ кризисомъ европейской культуры и жизни. Всѣ его публичныя выступленія твердили объ одномъ и томъ-же: — о кризисѣ культуры, о грядущей революціи, о горящихъ лѣсахъ и о расплывающихся въ Россіи оврагахъ.

Ианболѣ характерною чертою внутренняго міра Андрея Бѣлаго представляется мифъ его абсолютная безбрежность. Бѣлый всю жизнь носился по океанскимъ далямъ своего собственнаго я, не находя берега, къ которому можно было-бы причалить. Время отъ времени, захлебываясь въ безбрежности своихъ переживаній и постиженій, онъ оповѣщалъ: — «берегъ», но каждый очередной берегъ Бѣлаго при приближеніи къ нему снова оказывался занавѣшенною туманами и за туманами на мигъ отвердѣвшею «конфигураціей» волнъ. Въ нарядность богатомъ и всеохватывающемъ творествѣ Бѣлаго есть все, кромѣ одного; въ творествѣ Бѣлаго нѣту тверди: причемъ ни небесной ни земной. Сознаніе Бѣлаго — сознаніе абсолютно имманентное, формою и качествомъ своего осуществленія рѣзко враждебное всякой трансцендентной реальности. Анализомъ образовъ Андрея Бѣлаго и его словаря, его словъ-фаворитовъ можно было-бы съ легкостью вскрыть правильность этого положенія.

Всякое выраженно имманентное, не несущее въ себѣ въ качествѣ центра никакой тверди сознаніе есть сознаніе предѣльно неустойчивое. Такимъ было (во всякомъ случаѣ до 1923-го года, а вѣроятноѣ всего осталось и до конца) сознаніе Бѣлаго. Отсутствующую въ себѣ устойчивость Бѣлый однако успѣшно замѣнялъ исключительно въ немъ развитымъ даромъ балансиранія. Въ творествѣ Бѣлаго, и прежде всего въ его языкѣ, есть нѣчто явно жонглирующее. Мышленіе Бѣлаго — упражненіе на летящихъ трапеціяхъ, подъ куполомъ его одинокаго я. И все же эта акробатика (ср. «Эмблематику смысла») не пустая «мозговая игра». Въ ней, какъ во всякой акробатикѣ, очень много труда и мастерства. Кромѣ того въ ней много предчувствій и страданій.

Не противорѣчатъ ли однако такое представленіе о Бѣломъ,

какъ о замкнутой въ себѣ самой монадѣ, неустанно занятой вывѣреніемъ своего собственнаго внутренняго равновѣсія, тому очевидному факту, что Бѣлый всю свою жизнь «выходилъ изъ себя» въ той сложнѣйшей борьбѣ, которую онъ не только страстно, но подчасъ и запальчиво велъ противъ цѣлаго сонма своихъ противниковъ, какъ вѣрный рыцарь своей «истины — истины»? *). (Въ послѣдній предвоенный зимній сезонъ Бѣлый прежде всего вспоминается носящимся по Москвѣ оппонентомъ и страстнымъ критикомъ-публицистомъ, замахивающимся изъ за своихъ засадъ противъ со всѣхъ сторонъ обступающихъ его враговъ). Если Бѣлый дѣйствительно самозамкнутое «я», то что же означаетъ его неустанная общественная дѣятельность полемиста и трибуна; въ чемъ внутренній пафосъ его изболтливой неутомимости и неукротимаго бреттерства? Думаю, въ послѣднемъ счетѣ ни въ чемъ иномъ, какъ въ борьбѣ Бѣлаго съ самимъ собою за себя самого. Враги Бѣлаго — это все разные голоса и подголоски, все разные угрожающіе ему «срывы» и «загибы» его собственнаго «я», которые онъ невольно объективировалъ и съ которыми расправлялся подъ масками своихъ, въ большинствѣ случаевъ совершенно мнимыхъ—враговъ. Вспоминаю такія статьи, какъ «Штемпелеванная калоши», «Противъ музыки» («Вѣсы»), статью противъ философіи въ «Трудахъ и дняхъ», на которую я отвѣчалъ «Открытымъ письмомъ Бѣлому», или не помню какъ озаглавленную (у меня всѣхъ этихъ статей, къ сожалѣнію, нѣтъ подъ рукою), статью противъ мистики, ясно понимаешь, что Бѣлый кидался въ бой противъ музыки потому, что волны ея начинали захлестывать его съ головою; что онъ внезапно ополчился противъ мистики потому, что неукорененная ни въ какомъ религиозно-предметномъ опытѣ, она начинала издѣваться надъ нимъ всевозможными мистифицирующими ликами и личинами и что онъ завизжалъ противъ философіи кантіанскаго «Я-госа» въ отместку за то, что наскоро усвоенная имъ въ особыхъ, прежде всего полемическихъ цѣляхъ, она исполтишка начинала мстить ему, связывая по рукавъ и по ногачъ его собственное вольно-философское творчество. Лишь этичъ своеобразнымъ, внутренне полемическимъ характеромъ Бѣловскаго мышления объяснимы всѣ зигзаги его внутренняго развитія.

Начинается это развитіе какъ-бы въ терцію. Съ раннихъ

---

*) Въ этой словесной игрѣ, не больше, нельзя не видѣть попытку сближенія «истины» и «бытія», т. е. тенденціи къ онтологическому, бытіевственному пониманію истины.

юношескихъ лѣтъ въ душѣ Бѣлаго одинаково сильно звучать тема точной науки и нискликающаго его въ какія-то бездны хаоса. Какъ отъ опасности кристаллическаго омертвѣнія своего сознанія, такъ и отъ опасности его музыкальнаго расплавленія Бѣлый защищается неокантіанской методологіей, которая въ его душѣ въ томъ хозяйствѣ означаетъ къ тому-же формулу вѣрности его отцу, математику-методологу (см. «На рубежѣ двухъ столѣтій», стр. 68, 69). Но расправившись при помощи «методологін» съ «кристаллами» и «хаосомъ», разведя при помощи «серіи» методологическихъ пріемовъ «серіи» явленій по своимъ мѣстамъ, Бѣлый тутъ же свертываетъ свои «серіи серій» и провозглашаетъ мистическое всеединство переживаній, дабы уже черезъ минуту, испугавшись мистической распутицы, воззвать къ религии, но «найти себя» въ антропософіи и послѣ страстной, но мало корректной полемики съ Э. К. Метнеромъ въ защиту Штейнера неожиданно замкнуться на напечатанномъ до сихъ поръ памфлетомъ на боготворимаго имъ создателя Дорнаха. Всѣ эти перечисленные моменты Бѣлавскаго сознанія означаютъ однако не столько этапы его поступательнаго развитія, сколько слои или планы его изначальной душевной субстанции. Какъ это ни странно, но при всей невѣроятной подвижности своего мышленія, Бѣлый въ сущности все время стоитъ на мѣстѣ; вѣриѣ, отбиваясь отъ угрозъ и наводненій, все время подымается и опускается надъ самимъ собою, но не развивается. Пройденный Бѣлымъ писательскій путь и его собственное осознаніе этого пути подтверждаютъ, какъ мнѣ кажется, это мое положеніе. Начавъ съ монадологической «невнятицы» своихъ симфоній, Бѣлый попытался было въ «Серебряномъ голубѣ», въ «Петербургѣ» и въ «Пеплѣ» выйти на просторъ почти эпическаго повѣствованія, но затѣмъ снова вернулся къ своему я, хотя и къ Я, начертаемому имъ жирнымъ и крупнымъ шрифтомъ*).

Въ первой главѣ своего «Дневника», напечатаннаго въ № 1-мъ «Записокъ мечтателя» (1919 г.), Бѣлый вполне опре-

*) Конструкція этого Я («внѣ-міроваго и внѣ-ячнаго»), въ которое «вписано» я въ обычномъ смыслѣ слова (субъектъ) и міръ (объектъ), весьма опредѣленно напоминаетъ, къ слову сказать, построеніе нѣмецкаго идеализма: съ одной стороны философію тождества Шеллинга, а съ другой абсолютное я Фихте. Для полнаго и углубленнаго пониманія Бѣлага было-бы весьма важно тщательно разрѣботать проблему идеалистической природы его сознанія, оказавшей ему, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, весьма серьезное сопротивленіе на его пути къ религіозной трезвости и предметности.

дѣленно заявляетъ: «статья, тема, фабула — абстрація; есть одна только тема — описывать панорамы сознания, одна задача — «сосредоточиться въ «я», чнѣ заданное математической точкою».

Въ сущности Бѣлый всю свою творческую жизнь прожилъ въ сосредоточеніи на своемъ «я»; и только и дѣлалъ, что описывать «панорамы сознания». Всѣ люди, о которыхъ онъ писалъ и прежде всего тѣ, противъ которыхъ онъ писалъ, были въ концѣ концовъ лишь панорамными фигурами въ панорамахъ его сознания. Мнѣ кажется, что большинство крупныхъ жизненныхъ расхождений Бѣлаго объяснимо этою панорамностью его сознания. Самымъ объективно значительнымъ было вѣроятно его расхождение съ Блокомъ въ эпоху «Нечаянной радости» и «Балаганчика».

Всѣ мы, болѣе или менѣе близко знавшіе Бѣлаго, знаемъ, что расхождение это имѣло не только литературныя и міросозерцательныя причины, но и личныя. Дѣло однако не въ нихъ, а въ томъ, что Бѣлый еще дописывалъ «мистическую» панораму своего сознания какъ объективную картину возникающей новой жизни, въ то время, какъ Блокъ, талантъ менѣе богатый, сложный и вѣтвистый, но зато гораздо болѣе предметный и метафизически болѣе правдивый, прозрѣвъ безпредметность и иллюзионистичность себя самоѣ мистифицирующей мистики «рубежа двухъ столѣтій», уже отходилъ на тыловыя позиціи своей мучительной, горькой, жестокой разочарованности.

Увидь Бѣлый въ тѣ поры Блока, какъ Блока, онъ вѣроятно не написалъ-бы той своей рецензіи на «Нечаянную радость» («Переваль» 1907 г.), которую онъ впоследствии (6-ая глава воспоминаній о Блокѣ, «Эпопея» № 3), въ сущности, взялъ обратно. Но въ томъ то и дѣло, что онъ Блока, какъ Блока не увидѣлъ, а обрушился на него какъ на сбѣжавшую изъ его мистической панорамы центральную фигуру. Впоследствии, подойдя ближе къ позиціи Блока и въ свою очередь испугавшись, какъ бы «рубежь» не спуталъ «эротизма» съ «религіозной символикой» и не превратилъ «мистерій» въ «козловакъ», Бѣлый смѣло, но не справедливо вписалъ въ панораму своего сознания башню Вячеслава Иванова, какъ обиталище нечестивыхъ путаниковъ и соглашателей, а верхній этажъ Метрополя, въ которомъ властвовалъ и интриговалъ редакторъ «Вѣсовъ» Брюсовъ, какъ цитадель символической чистоты и подлинной мѣры вещей. Такъ всю свою жизнь вводилъ Андрей Бѣлый подъ куполь своего Я въ панорамы своего сознания своихъ ближайшихъ друзей въ качествѣ моментовъ внутренняго баланса, мо-

ментовъ взвѣсиванія и вѣвѣренія своего, лишеннаго трансцендентнаго центра, міросозерцанія и міровоззрѣнія. Такъ эквেলл-бристика мысли сливается у Бѣлаго съ блистательнымъ искусствомъ фехтовальщика. Но фехтуетъ Бѣлый на летающихъ трапеціяхъ не съ реальными людьми и врагами, а съ призраками своего собственнаго сознанія, съ оличенными во всевозможные «ты» и «они» моментами своего собственнаго монадологически въ себѣ самомъ замкнутаго «я».

Очень можетъ быть, что моя характеристика сознанія Андрея Бѣлаго подсказана мнѣ моимъ личнымъ воспріятіемъ внѣшняго облика Бѣлаго и моимъ ощущеніемъ его, какъ человѣка. Последнюю сущность этого воспріятія и этого ощущенія я не могу выразить проще, короче и лучше, какъ въ формѣ страннаго вопроса: да существовалъ-ли вообще Бѣлый? Раскрыть въ словахъ смыслъ этого, на первый взглядъ, по крайней мѣрѣ, нелѣпаго сомнѣнія весьма трудно. Что можетъ въ самомъ дѣлѣ означать неуверенность въ бытіи человѣка? Люди, знавшіе Бѣлаго лишь на эстрадѣ и по непосильнымъ для нихъ произведеніямъ его, часто считали его человѣкомъ аффектированнымъ, неестественнымъ, нарочитымъ — позеромъ. Онъ и самъ, описывая въ своихъ воспоминаніяхъ свое объясненіе съ Блокомъ, называетъ себя «маркизомъ Поза», противопоставляя свою манеру держаться блоковской, исполненной «непоказуемаго мужества» и «полнаго отсутствія позы». Не думаю, чтобы эти обвиненія и самообвиненіе Бѣлаго, быющее въ ту же точку, были бы вѣрны. Въ Бѣломъ была пляска и корча какого-то до-нельзя обнаженнаго существа, но въ немъ не было костюма, позы, актера. Но какъ бы то ни было, мои сомнѣнія въ бытіи Бѣлаго ни въ какой мѣрѣ и степени не суть сомнѣнія въ его искренности, не суть холячія въ свое время обвиненія его въ манерности и нарочитости; мои сомнѣнія гораздо глубже и страшнѣе.

Есть только одинъ путь, на которомъ человѣкъ увѣряется въ бытіи другого человѣка, какъ подлинно человѣка, какъ сдѣлодуховнаго своего брата. Это путь совершенно непосредственнаго ощущенія измѣненія моего бытія отъ соприкосновенія съ другимъ я. Тутъ дѣло не въ радикальномъ измѣненіи мнѣній или вѣрованій, что осуществляется въ насъ часто не встрѣчами съ людьми, а событіями жизни или даже книгамъ, но въ гораздо болѣе простомъ, хотя и совершенно безцѣнномъ для нашей жизни опытѣ, что всякое я и всякое встрѣчное ему

ты суть сообщающіеся сосуды, что одинъ человекъ другому и содержаніе и форма жизни и прибыль и убыль бытія. Есть люди, иногда совершенно простые — матери, няньки, незатѣйливые домашніе врачи, отъ простаго присутствія которыхъ въ душу вливается какой-то миръ, тепло и тишина. Есть другія, замученныя души, нервныя, въ которыхъ все бьется, какъ моторъ на холостомъ ходу и которая всеяютъ въ сердца другихъ страшную тревогу и безпокойство. Не надо думать, что Бѣлый, если бы онъ вообще могъ проливать свою душу въ другую, могъ бы проливать въ нее только одну тревогу и одно безпокойство. У него бывали моменты непередаваемо милыя, когда онъ весь свѣтился нѣжною ласкою, исходилъ, иставать прекрасною, недоумѣвающею, виноватою какою-то улыбкою.

Волнующій меня вопросъ бытія Бѣлаго заключается такимъ образомъ, въ первую во всякомъ случаѣ очередь, не въ томъ, что въ его внутреннемъ бытіи отрицательный полюсъ боли, тревоги и распада перевѣшивалъ положительный полюсъ благополучія, покоя и строя. Это тоже было, но главное заключается въ другомъ. Въ томъ, что Бѣлый даже и при близкомъ знакомствѣ, даже и въ минуты сердечнѣйшаго общенія «ухитрялся» оставаться какимъ-то въ послѣднемъ смыслѣ запретнымъ и недоступнымъ тебѣ существомъ, существомъ, чѣмъ то тонкимъ и невидимымъ, словно пейзажъ прозрачнымъ стекломъ, отъ тебя отдѣленнымъ. Въ своихъ слѣпительныхъ по глубинѣ и блеску бесѣдахъ — «нельзя запечатлѣть всѣхъ модній» (Бѣлый) — онъ скорѣе развѣртывался передъ тобою какимъ-то небывалымъ событіемъ духа, чѣмъ запросто, по человѣчеству бывалъ съ тобою. Быть можетъ вся проблема бѣловскаго бытія есть вообще проблема его бытія, какъ ч е л о в ѣ к а. Подчасъ, — этихъ часовъ бывало немало. — ничто внѣчеловѣческое, до-человѣческое и сверх-человѣческое чувствовалось и слышалось въ немъ гораздо сильнее, чѣмъ человѣческое. Былъ онъ весь какъ-то не «въ точку» человекомъ: весь душевно-физическій обликъ его былъ явно не вполнѣ человѣческаго покроя.

За пять лѣтъ очень частыхъ, временами еженедѣльныхъ встрѣчъ съ Бѣлымъ я успѣлъ вволю насмотрѣться на него. И вотъ сейчасъ онъ живо вспоминается мнѣ то въ аскетически обставленной квартирѣ Гершензона, подъ портретомъ Пушкина, то въ убогомъ «Дону» у Элиса, то въ роскошныхъ покояхъ М. К. Морозовой на засѣданіяхъ религіозно-философскаго общества за зеленымъ столомъ, то въ переполненныхъ аудиторіяхъ Политехническаго музея, то на снобистически-скан-

дальныхъ собраніяхъ «Свободной эстетики»; позднѣе въ домахъ Найденова на Кудринской Садовой (то у Рачинскихъ, то у антропологовъ Григоровыхъ), подѣ Москвой на дачѣ, гдѣ онъ жилъ первое время послѣ женитьбы, у насъ въ гостяхъ; но главнымъ образомъ, конечно, въ «Мусагетѣ», въ уютной редакціонной квартирѣ на Арбатской площади, гдѣ чуть-ли не ежедневно собирались «мусагетцы», «орфики», «символисты», «идеалисты», и гдѣ подѣ безконечные чаи и въ чайнѣ безконечности шла непрерывная бесѣда о судьбахъ міра, кризисѣ культуры и грядущей революціи. Бесѣда, сознаемся, иногда слишкомъ «пиршественная», слишкомъ широкоувѣшательная, но все же на рѣдкость живая, глубокая, оказавшаяся во многихъ пунктахъ пророческимъ провидѣніемъ послѣдующихъ военно-революціонныхъ годовъ. Пусть большевикская революція эту бесѣду оборвала — по-революціонной Россіи не избѣжать углубленнаго и протрезвленнаго возврата къ ней.

Но вернемся къ Бѣлому. Всюду, гдѣ онъ появлялся въ тѣ поры, онъ именно появлялся въ томъ точномъ смыслѣ этого слова, который не примѣнимъ къ большинству людей. Онъ не просто входилъ въ помѣщеніе, а какъ то по особому ныряя головой и плечами, не то влеталъ, не то врвался, не то втанцовывалъ въ него. Во всей его фигурѣ было нѣчто всегда готовое къ прыжку, къ нырку, а можетъ быть и къ взлету; въ поставкѣ и движеніяхъ рукъ нѣчто крылатое, разсѣкающее стихію: водную или воздушную. Вотъ, вотъ нырнуть въ пучину, вотъ взвовется надъ нею. Одно никогда не чувствовалось въ Бѣломъ — корней. Онъ былъ существомъ, обмѣнявшимъ корни на крылья. Оттого, что Бѣлый ощущался существомъ пребывающимъ не на землѣ, а въ какихъ то иныхъ пространствахъ и просторахъ, безднахъ и пучинахъ, онъ казался чело-вѣкомъ предѣльно разсѣяннымъ и отсутствующимъ. Но такичъ онъ только казался. На самомъ же дѣлѣ онъ былъ внимательнѣйшимъ наблюдателемъ, съ очень зоркими глазами и точною памятью. Выраженіе — онъ былъ внимательнымъ наблюдателемъ впрочемъ не вполне точно. Самъ Бѣлый таковымъ наблюдателемъ не былъ, но тѣ немъ жилъ нѣкто за него наблюдая за эмпиріей жизни и предоставляющей ему впоследствии, когда онъ садился писать романы и воспоминанія, свою «записную книжку». Въ бесѣдахъ съ Бѣлымъ я не разъ удивлялся протокольной точности воспоминаній этого какъ будто-бы разсѣяннаго-рѣющаго надъ землею существа. И все же воспомина-ніямъ Бѣлаго вѣрить нельзя. Нельзя потому, что рѣющее надъ землею существо въ Бѣломъ постоянно поправляло своего

земного наблюдателя. Наблюдатель въ Бѣломъ предоставитъ ему свое описаніе какой нибудь бородавки на миломъ лицѣ, Бѣлый въ точности воспроизведетъ это описаніе, но отъ себя прибавитъ: описанная бородавка есть не бородавка, а глазъ. «На рубежѣ двухъ столѣтій» («Начало вѣка» мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось получить) совершенно изумительная книга, но книга цѣликомъ построена на этой гениальной раскосости бѣловскаго взора.

Эта раскосость бѣловскаго взора, связанная съ двупланностью его сознанія, поражала меня всегда и на лекціяхъ, гдѣ Бѣлый выступалъ оппонентомъ. Сидитъ за зеленымъ столомъ и какъ будто не слушаетъ. На то или иное слово оратора иѣтъ да и отзовется, конечно, взоромъ, микомъ, кивкомъ головы, какою-то фигурно-выпячивающею губы улыбкою на пасупленномъ, недоумѣвающимъ лицѣ, но въ общемъ отсутствующъ, т.е. пребываетъ въ какой-то своей «безднѣ», въ безднѣ своего одиночества и своего небытія. Смотришь на него и видишь, что весь онъ словно клубится какими-то обличіями. То торчитъ надъ зеленымъ столомъ какимъ-то гримасничающимъ Петрушкою съ головою на бокъ, то лѣветъ надъ нимъ въ цѣхъ волосъ и съ ласковой лазурью глазъ какимъ-то безумнымъ отуванчикомъ, то вдругъ весь ошерится зеленымъ взоромъ и золотымъ оскаломъ... Но вотъ: «слово предоставляется Андрею Бѣлому». Бѣлый, ныряя головою и плечами, протанцовываетъ на кафедре; безумно-вдохновенною своею головою возникаетъ надъ нею и озираясь по сторонамъ (гдѣ же враги?) и «бодая пространство», начинаетъ возражать: сначала ища словъ, въ концѣ же всецѣло одержимый словами, обуреваемый ихъ самостоятельную въ немъ жизнью. Оказывается, онъ все услышалъ и все запомнилъ. И все-же, какъ его воспоминанія — не воспоминанія, такъ и его возраженія — не возраженія. Сказанное лекторомъ для него въ сущности только трамплинъ. Вотъ онъ разбѣжался мыслью, оттолкнулся отъ него и уже крутится на летящихъ трапезіяхъ своихъ собственныхъ вопросовъ въ высочайшемъ куполѣ своего одинокаго «я». Онъ не ораторъ, но говоритъ онъ изумительно. Необытннй горизонтъ его сознанія непрерывно полыхаетъ зарницами неожиданнѣйшихъ мыслей. Свою ширококрылую ассоціанію онъ въ полетѣ рѣчи связываетъ во все новые парадоксы самыя, казалось бы несвязныя другъ съ другомъ мысли. Логика рѣчи все чаще форсируется ея фонетикой: — человекъ провозглашается челомъ вѣка, истина — одновременно и истиной (по Платону) и ѣстиной (по Марксу). Вотъ блистательно взывравшій умъ внезапно превра-

шается въ заумь; философская терминологія — въ символическую сигнализацию; минутами смыслъ рѣчи почти исчезаетъ. Но несясь сквозь «невнятицы», Бѣлый ни на минуту не теряетъ убѣдительности, такъ какъ ни на минуту не теряетъ изумительнаго дара своего высшаго словотворчества.

«Языкъ, запрядай тайнымъ сномъ!
Какъ жизнь возстань и даруй: въ смерти!
Встань въ жерди: пучимымъ листомъ!
Встань тучей, горностаемъ въ тверди,
Языкъ, запрядай вновь и вновь...

Но вотъ Бѣлый опускается съ высотъ и начинаетъ мѣтко нападать на противника, граня въ «серіяхъ» методологически упроченныхъ смысловъ вѣчный хаосъ своего мучительнаго опыта. На этихъ спускахъ онъ обнаруживаетъ необычайную начитанность, даже ученость, зоркій критическій взглядъ и подчасъ очень трезвое мнѣніе. Тутъ онъ прекрасно понимаетъ, что «гдѣ-то и что-то къ добру не приведетъ», что мы жаждемъ «яснаго, какъ Божій день, слова».

Людямы, нападающимъ на «невнятицы» Бѣлаго, отклоняющимъ его за туманность его художественнаго письма и спутанность его теоретической мысли, надо было-бы, передъ тѣмъ какъ отклонять этого изумительнаго художника и теоретика, серьезно задуматься надъ тѣмъ, что всѣ невнятицы, туманности и путаницы Бѣлаго суть явленія в ы с о т ы, на пути къ которой Бѣлый умѣлъ бывать и внятнымъ, и яснымъ, и четкимъ.

Два свиданія съ Бѣлымъ — одно вѣроятно въ зиму 1911-12 г. въ Москвѣ, другое, послѣднее, наканунѣ его отъѣзда изъ Берлина въ Россію, запомнились мнѣ особенно ярко. Рассказать о нихъ подробно все-же не смогу. потому что въ сущности ничего не помню, кромѣ нѣсколькихъ маловажныхъ деталей, да очень важнаго для моего пониманія Бѣлаго, но почти не поддающагося описанію ощущенія запредѣльности и призрачности бѣловскаго бытія.

Стояла совѣтъ позняя осень, Бѣлый пришелъ за какія-нибудь 5-10 минутъ до того, какъ спускать шторы и зажигать лампы. Въ мой кабинетъ съ большимъ письменнымъ столомъ у окна вынырнулъ онъ изъ-подъ портьеры передней съ крѣпко сжатыми передъ грудью ладонями и округло-пружинящими, словно пытающимися взлетѣть локтями. Остановившись передъ окномъ, за которымъ въ сумеркахъ истаявалъ высочайшій тополь, онъ обвелъ блуждающимъ взоромъ мой столъ и бла-

женно улыбнулся вопросом: «а вамъ тутъ очень хорошо работать?» Затѣмъ опустился въ кресло и отошелъ въ себя. Я сразу почувствовалъ, что собравшись по сговору къ намъ, онъ не выключилъ въ себѣ творческаго мотора и что передъ нимъ клубятся какія-то свои галлюцинаціи. Ни послѣдовавшаго тутъ же разговора, вѣроятно о Мусagetскихъ дѣлахъ, ни ужина, не помню. Помню только уже очень поздній часъ, отворачивающуюся всторону отъ ѣдкаго дыма папиросы вдохновенную голову Бѣлаго, то наступающаго на насъ съ женою съ широко разверстыми и опущенными книзу руками, то отступающаго въ глубину комнаты съ какимъ-то балетнымъ присяданіемъ. Весь онъ, весь его душевно-тѣлесный составъ явно охваченъ какимъ-то творчески-полемическимъ изступленіемъ. Онъ говоритъ объ общихъ знакомыхъ, писателяхъ, философахъ и, Боже, что за жуткія изваяются гениальными словами его метафизическія каррикатуры! Смотрю и слушаю: нѣтъ, дѣло не въ недоброжелательствѣ къ людямъ и конечно не въ издѣвательствѣ надъ ними. Дѣло просто въ обреченности Бѣлаго видѣть міръ и людей такъ, какъ намъ иной разъ по ночамъ, въ особенности въ дѣтствѣ, видятся разбросанные по комнатѣ предметы. Круглый абажуръ лампы на столѣ, рядомъ на стулѣ бѣлье и вогъ — духъ захватываетъ отъ страха: въ креслѣ у постели сидитъ скелетъ въ саванѣ... Въ тотъ вечеръ, о которомъ пишу, я впервые понялъ, что въ Бѣломъ и его искусствѣ (такъ, напримѣръ, въ «Петербургѣ», который онъ совершенно изумительно читалъ, вбирая въ расширенныя ноздри бактерии петербургскихъ задворокъ, и устрашенно приносясь плечами въ креслѣ, какъ приносятся въ петербургскихъ туманахъ острова съ циркулирующими по нимъ субъектами), ничего не понять, если не понять, что Бѣлый всю жизнь всѣ абажуры видѣлъ и изображалъ въ моментъ ихъ превращенія въ черепа, а всѣ стулья съ брошеннымъ на нихъ бѣльемъ въ моментъ ихъ превращенія въ саваны. Видя такъ предметы своего обихода, онъ еще въ большей степени видѣлъ такъ и людей. Въ каждомъ человѣкѣ Бѣлый вдругъ открывалъ (часто надолго, но врядъ-ли когда-нибудь навсегда, у него въ отношеніи къ людямъ вообще не было «навсегда») какую-нибудь особую, другимъ невидимую точку, изъ которой, надѣленный громадной конструктивной фантазійей, затѣмъ рождалъ и развивалъ свой образъ, всегда связанннй съ оригиналомъ существеннѣйшимъ моментомъ острого, призрачнаго, ночного сходства, но въ цѣломъ предательски мало похожій на живую дѣйствительность.

Въ вечеръ перваго моего сближенія съ нимъ Бѣлый былъ

какъ-то особенно въ ударѣ. Создаваемые имъ образы-фантомы магически награждались имъ всею полнотою эмпирической реальности и разсаживались вокругъ него по стульямъ и кресламъ...

Разошлись мы очень поздно, я вышелъ проводить его за ворота. На дворѣ осень превратилась въ зиму. Отъ бѣлизны и чистоты выпавшаго снѣга я ясно и радостно ощутилъ большое облегченіе. Вернувшись въ прокуренную квартиру, я остро почувствовалъ, что въ ней тѣсно и открылъ окна, въ надеждѣ, что невидимо сидящіе на стульяхъ гротески, среди нихъ много добрыхъ знакомыхъ и друзей, вѣстѣ съ папироснымъ дымомъ выклубятся въ чистую, отъ снѣга свѣтлую ночь.

Зимною 1922-23 года я вѣтлся съ Бѣлымъ рѣдко. Последний разъ мы были у него съ женою, думается, совсѣмъ незадолго до его все-же внезапнаго отъѣзда въ Россію. Пришли къ нему, узнавши, что онъ боленъ, неухоженъ и даже пуждается. Его дѣйствительно трясла лихорадка. Во время разговора, касавшагося его отъѣзда въ Россію, издательскихъ дѣлъ, авансовъ и помню, Алексѣя Толстого (немотивированно обрушился на его «Хожденіе по мукамъ»), онъ какъ звѣрь по клѣткѣ ходилъ по комнатѣ въ наброшенномъ на плечи пальто. Главное, что осталось отъ разговора, это память о томъ, что, разговаривая съ нами, Бѣлый ни на минуту не отрывался отъ зеркала. Сначала каждый разъ, проходя мимо, бросалъ въ него долгіе, внимательные взоры, а потомъ уже откровеннымъ образомъ сѣлъ передъ нимъ въ кресло и разговаривалъ съ нами, находясь все время въ мимическомъ общеніи со своимъ отраженіемъ. Въ эти минуты отвѣты мнѣ становились всего лишь репликами «всторону»; главный разговоръ явно сосредоточивался на діалогѣ Бѣлаго со своимъ двойникомъ. Раздвоеніе Бѣлаго естественно заражало и меня. Помню, что и я сталъ заглядывать въ зеркало и прислушиваться къ мимическому общенію Бѣлаго съ самимъ собою. Разговора нашего не помню, но помню, что слова его все многосмысленнѣе перепрыгивали по смысламъ, а смыслы все условнѣе и таинственнѣе перемѣшивались другъ съ другомъ.

Не будь Бѣлый Бѣлымъ, у меня отъ послѣдняго свиданія съ нимъ осталось бы впечатлѣніе свиданія съ большимъ человекомъ. Но въ томъ то и дѣло, что Бѣлый былъ Бѣлымъ, т. е. человѣкомъ, для котораго ненормальная температура была лишь внѣшнимъ выраженіемъ внутренней нормы его бытія. И потому, несмотря на всю сирость, разстроенность, бѣдность и болѣзненность въ послѣдній разъ видѣннаго мною Бѣлаго, мое

последнее свидание съ нимъ осталось въ памяти вѣрнымъ итогомъ всѣхъ моихъ прежнихъ встрѣчъ съ этимъ единственнымъ человѣкомъ, которымъ нельзя было не интересоваться, которымъ трудно было не восхищаться, котораго такъ естественно было всегда жалѣть, временами любить, но съ которымъ ни к о г д а нельзя было по просту быть, потому что въ самомъ существенномъ для насъ, людей, смыслѣ его быть можетъ и не было съ нами.

Говоря о небытіи Бѣлаго, о его одиночествѣ, о его замкнутости въ себѣ самомъ, я ни разъ, и конечно не случайно, упоминалъ о монадѣ. Монада, по мысли создателя философской монадологии, Лейбница, какъ извѣстно, не имѣетъ оконъ, не сообщается съ другими монадами, не сообщается съ міромъ. И все же она весь запредѣльный ей міръ по своему несетъ и таить въ себѣ: отражаетъ его съ тою или иною степенью ясности и отчетливости. Можно пойти дальше и сказать, что все бытіе монады только и состоитъ въ томъ, чтобы отражать бытіе міра, чтобы жить отраженіями, чтобы быть отраженностью. Одиночество Бѣлаго, (оно же и его небытіе, ибо бытіе всякаго Я, начинается съ «ты еси» — В. Ивановъ), есть не простое и простое одиночество, а одиночество именно монадологическое. Какъ лишенная оконъ монада, Бѣлый занималъ въ іерархически-монадологическомъ строѣ вселенной безспорно очень высокое мѣсто (одно изъ самыхъ первыхъ, среди своихъ современниковъ), ибо — въ этомъ врядъ-ли возможны сомнѣнія — отражалъ тотъ міръ «рубежа двухъ столѣтій», въ которомъ жилъ и изъ глубины котораго творить, съ максимальной четкостью и ясностью. За эту вѣрность своей эпохѣ не въ ея явныхъ благополучныхъ формахъ, а въ ея тайныхъ, угрожающихъ безформенностяхъ, за вѣрность эпохѣ, какъ великому плану назрѣвающихъ въ ней катастрофъ, какъ готовившемуся въ ней взрыву всѣхъ привычныхъ смысловъ, какъ скату въ небытіе всѣхъ ея бытійстесненныхъ и бытовыхъ формъ, Бѣлый и заплатилъ трагедіей своего небытія и одиночества, ставшей, правда, благодаря магии его дарованія, нашею крѣпчайшею связью съ ничь. Творчество Бѣлаго это единственное по силѣ и своеобразію воплощеніе не бытія «рубежа двухъ столѣтій», какъ вступленія къ предчувствуемому нами бытію двадцатаго вѣка, это художественная конструкція всѣхъ тѣхъ деструкцій, что совершались въ немъ и вокругъ него; раньше, чѣмъ въ какой-

бы то не было другой душѣ, рушилось въ душѣ Бѣлаго зданіе 19-го вѣка и протуманились очертанія двадцатаго.

Конецъ девятнадцатаго вѣка, служашій сейчасъ мишенью всевозможнѣйшихъ нападений и издѣвательствъ, былъ въ извѣстномъ смыслѣ одною изъ наиболѣе блистательныхъ эпохъ исторіи человѣчества. Закончившая короткою и локализированной франко-прусскою войною періодъ войнъ и революцій консолидировавшаяся Европа твердою стопою рѣшительно пошла по пути мирнаго преобразования своей жизни (въ идеаль-же жизни всѣхъ странъ и народовъ) на основѣ незыблемыхъ идеаловъ европейской цивилизаціи. Нельзя сказать, чтобы на этихъ путяхъ было мало достигнуто. Европа за нѣсколько десятилѣтій мощно разбогатѣла. Научно-техническими своими изобрѣтеніями до неузнаваемости преобразила ликъ земли и образъ человѣческой жизни. Несмотря на всѣ жестокости капитализма въ общемъ значительно повысила жизненный уровень всего человѣчества, не только однихъ богатыхъ. Достигла она этого (намъ, пережившимъ кризисъ и срывъ идей 19-го вѣка, грѣшными этого не видѣть) относительно весьма мягкими средствами: 19-й вѣкъ былъ вѣкомъ господства права даже и въ международныхъ сношеніяхъ, былъ вѣкомъ созданія социальнаго законодательства даже и для рабовъ капитализма. Раненый на смерть, истекая кровью, 19-ый вѣкъ устами Вильсона и Керенскаго все еще бредилъ о свободахъ, о правахъ челоѣка и гражданина.

Не меньше, чѣмъ въ экономически-соціальной сферѣ, достигъ 19-й вѣкъ и въ сферѣ культуры. Расцвѣтшая наряду съ естественно-научными изслѣдованіями историческая наука до безконечности раздвинула историческую память европейскаго челоѣчества и тысячами нитей связала культуру Европы со всѣми другими культурами міра. Образованный и передовой европеецъ конца 19-го вѣка былъ не только французомъ, англичаниномъ, русскимъ или нѣмцемъ, но культурнѣйшимъ «гражданиномъ вселенной», свободно двигающимся по дворцамъ и храмамъ рѣшительно всѣхъ культуръ и чувствующимъ себя вездѣ дома. Убѣгающая въ прошлое линія наукою возсозданныхъ воспоминаній естественно сливалась съ линіей научно-техническаго построения будущаго въ одну пронзающую міровые зоны и міровыя пространства магистраль всечелоѣческаго прогресса.

Профессорскій сынъ и воспитанникъ либерально-университетской среды, Бѣлый, какъ онъ о томъ самъ впоследствии рассказалъ въ первомъ томѣ своей автобіографіи («На рубежѣ

двухъ столѣтій»), уже съ раннихъ гимназическихъ лѣтъ поднимая знамя борьбы противъ благородно-болтливой фразы либерально-гуманитарнаго прогрессизма: противъ позитивизма въ наукѣ, натурализма въ искусствѣ и умѣренного либерализма въ политикѣ. Тѣмъ не менѣе Бѣлый, какъ мнѣ кажется, съ самаго начала былъ и въ цѣломъ рядѣ моментовъ своего духовнаго облика до конца оставался типичнымъ выкормываемъ прогрессивнаго 19-го вѣка. Не будь онъ имъ, онъ не сталъ-бы тѣмъ характернымъ выразителемъ кризиса «рубежа», кѣмъ онъ безусловно войдетъ въ историю русскаго сознанія — русской философiи, русскаго міросозернанія. Интеллигентски-профессорская либеральная закуска Бѣлаго сказывается прежде всего въ полномъ отсутствiи въ его сознанiи въ ея первичномъ консервативныхъ пластовъ духа и опыта (соціологической этой фактъ соответствуетъ тому психологическому, что Бѣлый былъ существомъ крылатымъ, но лишеннымъ корней). Бѣлый тѣсно связанъ съ Достоевскимъ и Вл. Соловьевымъ, но въ немъ нѣтъ ничего отъ Хомякова и Льва Толстого. Церковь, земля, мужикъ были ему чужды. Въ «Серебряномъ голубѣ» есть, правда, и церковь, и земля, и мужикъ, и барская усадьба, и все же всего этого въ «Серебряномъ голубѣ» нѣту. Реальны и убѣдительно въ этомъ мастерски написанномъ оригинальномъ романѣ: двупланность души Дарьяльскаго, связь дѣтской печали съ безстыдствомъ «духини Матрены», пьяная революционная гармоника, годами идущій на Цѣлебѣево прилорожный кустъ, «разводы» Кудеяровскаго лица, невнятица его рѣчи, дороги, дожди, туманы — однимъ словомъ убѣдительно въ немъ атмосфера. Все же вписанное въ эту атмосферу: церковь, о. Вуколь, дьячекъ, попадья, дѣвицы Уткины, купецъ Еропѣгинъ, баронесса, Евѣичъ кровопивецъ-староста—все это лишь внешнимъ кустодіевскимъ плакатомъ опавшій Гоголевскій приемъ. Всего этого нѣтъ, нѣтъ не только въ бытовомъ планѣ, что для Бѣлаго не покоръ, но и въ бытіеиствениомъ. Всѣ перечисленные образы не типы, т. е. не въ индивидуальность заостренные общности, какъ образы Льва Толстого и Достоевскаго, а всего только декоративные персонажи, т. е. лишены индивидуальныхъ чертъ обобщенія. Въ нихъ очень много краски и орнаментальной линiи, но мало крови, плоти и духовной субстанции. По замыслу Бѣлаго въ образахъ баронессы, Еропѣгина, кровопивца-старосты и др. долженъ былъ-бы чувствоваться распадъ старой, частично еще дореформенной Россiи, но онъ въ нихъ не чувствуется и не чувствуется потому, что въ душахъ этихъ людей, за отсутствіемъ въ нихъ души, подмѣнен-

ныхъ орнаментальною фреской, ничего не происходитъ. Распадъ — процессъ. Персонажи же старой Россіи въ «Серебряномъ голубѣ» абсолютно статичны. Они нарисованы какъ вещи, но не какъ люди; даны не изнутри — а извнѣ, что доказываетъ, что внутренняго отношенія къ старой, къ исторически ставшей Россіи у Бѣлаго не было. Морлатые гротески Алексѣя Толстого, при всей живописности его письма, никогда не фрески. Старая Россія вся у Толстого въ утробѣ. Потому онъ и пишетъ ее (да простится мнѣ это сравненіе) словно-отрываетъ. Бѣлый же старой Россіи въ утробѣ конечно не носилъ. У него вообще не было утробы, или, выражаясь деликатнѣе, у него не было физиологически-бытовой памяти. И въ этомъ его органической «либерализмъ».

Ослабленіе физиологически-бытовой памяти (разрывъ кровной связи съ отцами и дѣдами) совпадало всегда, еще со времянь борьбы Сократа съ софистами, съ развитіемъ раціонально-критической стихіи, съ обостреніемъ логической совѣсти, съ повышеніемъ и утоншеніемъ сознательности. Въ «мистикѣ» и «антропософѣ» Бѣломъ, казавшемся большинству людей чело-вѣкомъ хаотическаго сознанія и невнятной рѣчи, мы встрѣчаемся съ яркою выраженностью всѣхъ этихъ чертъ.

Талантъ Бѣлаго представляетъ собою въ высшей степени атипичный и широкій синтезъ дарованій. Бѣлый въ цѣломъ, т. е. наиболѣе оригинальный и значительный Бѣлый, мало кому интересенъ и доступенъ. Теоретическія статьи по искусству, собранныя въ увѣсистомъ томѣ «Символизма», читались и цѣнились лишь небольшою группою философствующихъ писателей, преимущественно лириковъ. Его романами зачитывались прежде всего философы, психологи, мистики, музыканты. Типичный писатель и широкая публика, публика Горькаго, Андреева, Ариэбащева, его не читала и не понимала. Бѣлый въ цѣломъ, т. е. существово почитанный Бѣлый, еще до сихъ поръ не попалъ потому ни въ фокусъ всеобщей читательской любви, ни въ фокусъ пристального вниманія изслѣдователей русскаго сознанія и русскаго искусства. Болѣе всего незамѣченными прошли такіе его работы, какъ «Смыслъ искусства» и, главнымъ образомъ, «Эмблематика смысла». Говорить о нихъ по существу и вплотную здѣсь конечно не приходится. Въ связи съ интересующей меня темою отношенія Бѣлаго къ 19-му вѣку отиѣчу лишь то, что линія раціоналистически-методологическаго разложенія цѣлостнаго сознанія, линія, берущая свое начало въ софистикѣ и восходящая черезъ Декарта къ Канту, оцупаается въ «эмблематикѣ смысла» очень глѣбоко и зашищается Бѣ-

Особой, симптоматически наиболее важной остроты пан-методологизмъ Бѣлаго достигаетъ съ переносомъ идеи методологического плюрализма въ сферу культуры. Въ «Символизмъ» страннымъ образомъ переплетаются и борются другъ съ другомъ двѣ по своей природѣ весьма различныя идеи. Съ одной стороны Бѣлый защищаетъ новое символическое искусство, какъ «теургію» (Вл. Соловьевъ), какъ творчество новой жизни, а съ другой, какъ вполне имъ самимъ осознанный эклектизмъ александрийской эпохи. Въ основѣ этой второй линіи защиты лежитъ очевидная мысль, что культура есть ничто иное, какъ максимально широко развернутый методъ подхода къ действительности и что задача символическаго искусства заключается въ новой комбинаціи всѣхъ культуръ и міросозерцаній въ цѣляхъ невозможно полного охвата жизни. Въ «Эмблематикѣ смысла» Бѣлый такъ прямо и говоритъ: «мы действительно осязаемъ что-то новое (вспомнимъ слова того же Бѣлаго въ полемикѣ противъ Блока: «гдѣ-то, что-то къ добру не приведуть»), но осязаемъ его въ старомъ; въ подавляющемъ обиліи стараго — новизна такъ называемаго символизма... «въ порывѣ создать новое отношеніе къ действительности путемъ пересмотра серій забытыхъ міросозерцаній (до чего рационалистически-эклектической оборотъ! Ф. С.) вся сила, вся будущность такъ называемаго новаго искусства». Въ дальнѣйшемъ Бѣлый защищаетъ «александрийскій періодъ античной культуры» противъ нападокъ со стороны Ницше и, объявляя самого Ницше «современнымъ александрийцемъ», объясняетъ этимъ вѣщія свойства его духа, не замѣчая всей зловѣщности защищаемаго имъ знака равенства между «вѣщностью» и эклектизмомъ, пророчествомъ и культуртрегерствомъ.

Не надо думать, что раскрываемая мною въ Бѣломъ тема 19-го вѣка была въ немъ случайна. Совсѣмъ напротивъ: она была его роковой темой. Интересующійся всѣми эпохами и всѣми науками, вѣрашій въ эволюцію и прогрессъ, въ обязательно лишь черезъ призму времени *) раскрывающуюся вѣчность, «гражданинъ вселенной» никогда окончательно не умиралъ въ

---

*) времени, но не пространства. Сочетаніе времени и пространства неизбежно даетъ бытіе быта и бытіе въ бытѣ, то, что Бѣлому было чуждо. У Бѣлаго всѣ пространства или крылаты, или кажутся таковыми, ибо они или сами куда нибудь летятъ, или являютъ собою просторы, сквозь которые все пролетаетъ куда-то.

Бѣломъ. Правда, въ философѣ и антропософѣ Бѣломъ *) въ основѣ своей социологической тема прогресса преобразена въ типично-бѣловскую тему «эволюціи человѣческаго сознанія», но это преобразеніе не только не отрицаетъ, но, быть можетъ, даже и усиливаетъ ея показательное значеніе. Носящійся въ космическихъ просторахъ эволюционистъ-антропософъ еще радикальнѣе отрѣзанъ отъ всѣхъ пространственно-бытовыхъ, національно-плотныхъ и исторически-религіозныхъ (церковныхъ) началъ, чѣмъ тихо проживающій на «Арбатѣ» либеральный профессоръ экономистъ. Эту, — скажемъ условно, — отрѣзанность отъ всѣхъ консервативныхъ началъ Бѣлый не только чувствовалъ, но и осозналъ въ себѣ. Въ своемъ «Дневникѣ» («Записки мечтателя» № № 2 и 3-й) онъ съ пафосомъ провозглашаетъ, что онъ человѣкъ свободный «отъ путъ рода, отъ быта, отъ мѣстности, національности, государства, противостоящій міру и только міру, — всему міру».

Это-ли не послѣднее слово просвѣщенски-эгалитарнаго воплощенія въ результатѣ пересмотра «серій забытыхъ міросозерцаній»? Въ этомъ послѣднемъ словѣ налицо и извѣстная духовная связь Бѣлаго съ большевизмомъ, по крайней мѣрѣ съ характерною для большевизма темою просвѣщенной «уровновки» и развоплощенія исторически сложившейся жизни.

Но конечно Бѣлый не былъ-бы Бѣлымъ, если бы онъ былъ только послѣднимъ словомъ прошлаго, гражданиномъ вселенной, культуртрегеромъ, ученымъ изслѣдователемъ серій забытыхъ міросозерцаній, антропософомъ, осуществляющимъ въ себѣ эволюціи сознаній, психоаналитикомъ, изслѣдующимъ его подсознательныя глубины, — однимъ словомъ, если-бы онъ былъ только тою вершиною культуры, которою онъ дѣйствительно былъ даже и помимо своего своеобразнѣшаго художественнаго дарованія. Нѣтъ, Бѣлый сталъ Бѣлымъ, т. е. явленіемъ единственнаго симптоматическаго и даже пророческаго значенія, потому что, будучи вершиной культуры, онъ раньше многихъ другихъ понялъ и всѣмъ своимъ художественнымъ творчествомъ заявилъ: «культура — трухлявая голова, въ ней все умерло, ничего не осталось. Будетъ взрывъ: все сметется». Всѣ главныя темы поэта и романиста Бѣлаго суть темы взрыва культуры, взрыва памяти, взрыва преемственной жизни и сложившагося быта.

Въ основѣ всѣхъ этихъ темъ лежитъ съ раннихъ дѣтскихъ

---

*) Бѣлымъ и антропософія большая тема, которой я по существу въ этой статьѣ не касаюсь.

лѣтъ возстающая въ душѣ Бѣлаго жутко-мучительная тема бунта противъ любимаго отца, обостряющаяся въ немъ временами до идеи посягательства на его жизнь *).

«Петербургъ» почти гениальное раскрытіе темы возстанія противъ отца и отечества, темы закланія плоти Россіи и воплощенія русской исторіи. Всѣ пушкинскіе «граниты» разъялены въ «Петербургѣ» гнилостно-лихорадочными туманами, всѣ петровскіе реформы и законы превращены въ параграфы, «совокупляющіеся крючки» пенашистаго Коленкѣ по плоти отца, селатора Апполона Апполоновича. Людей въ «Петербургѣ» нѣтъ. Обитатели «столичнаго града» расклублены Бѣлымъ въ дымъ оборотней и химеръ; всѣ человѣческія лица преданы изпѣленнымъ на нихъ масками. Не только души, но даже и тѣла всѣхъ дѣйствующихъ лицъ «Петербурга» Бѣлымъ разъяты на части: видны не тѣла, не фигуры, но лишь головы, плечи, носы, затылки, спины; слышны не рѣчи и фразы, а обрывки словъ и фразъ, возгласы, хрипы, гыканья, простукивающія куда-то по чернымъ вонючимъ лѣстницамъ ноги, бьющіяся въ такихъ же черныхъ провалахъ сознанія сердца. Несмотря на тщательность описанія разнообразнѣйшихъ обиталищъ петербургскихъ жителей, глазу читателей все же не видно, гдѣ они обитаютъ. Видны въ «Петербургѣ» не дома, квартиры и комнаты, а опять-таки лишь разъятыя части жилищъ. Затуманенныя колонны и каріатиды, блестяшія лѣстницы, паркеты и инкрустации, окна, обезумѣвшія отъ бьющаго въ нихъ луннаго свѣта и какіе-то все время выступающіе изъ мрака кубистическіе косяки. Причемъ все это: люди, улицы, дома и комнаты—дано не статично, а въ максимумѣ движенія. Не то Петербургъ пролетаетъ куда-то сквозь бездѣиность мертвыхъ просторовъ, не то сами эти просторы, обезумѣвши, несутся мимо него. Что стоитъ на мѣстѣ и что несется влѣвъ, разобратъ нельзя. Максимумъ движенія и мертвая точка неподвижности съ изумительнымъ писательскимъ мастерствомъ противопоставлены Бѣлымъ въ «Петербургѣ», словно два отражающихъ

*) Вѣ Ходасевичъ полагаетъ эту тему по главу указъ всего творчества Бѣлаго, на мой слухъ снижая ее тѣмъ психоаналитическимъ поворотомъ, который онъ ей придаетъ. Правда, въ писаніяхъ Бѣлаго есть совершенно явныя указанія на наличие въ душѣ Бѣлаго переквалиф., прямо таки вызывающихъ приращеніе къ нимъ фрейдтовскихъ методовъ изслѣдованія; тѣмъ не менѣе я думаю, что исторіософскій подходъ къ творчеству Бѣлаго существенно психологическаго и въ особенности психоаналитическаго.

друг друга зеркала. Къ этой химерической приравненности, движенья къ неподвижности приравнены въ «Петербургъ» всѣ остальные другъ друга отражающія и взрывающія полярности. Бытіе равно въ немъ небытію, болѣзнь — мудрости, патологія — онтологіи. Всѣ свои завѣтные исторіософскія мысли Бѣлый неслучайно, конечно, раскрываетъ передъ читателемъ въ формѣ бреда и галлюцинацій Александра Ивановича. Въ этихъ исторіософскихъ кошмарахъ несвязно, но вѣще мелькаютъ всѣ существенные слова и образы будущаго: ...«періодъ истиннаго гуманизма законченъ»... «наступаетъ періодъ здороваго варварства»... «Франція подъ шумокъ вооружаетъ папуасовъ, ихъ ввозитъ въ Европу»... «пробуждается сказаніе о исаникахъ Чингизъ-Хана, распоясывается семито-монголь»...

«Собственно не я въ партіи, а во мнѣ партія»... «для насъ волнующая соціальными инстинктами масса превращается въ исполнительный аппаратъ, гдѣ всѣ люди — клавиатура, на которой летучіе пальцы пианиста бѣгаютъ, преодолевая всѣ трудности»... «спортсмены революціи»... «мѣдный конь копья не опуститъ: прыжокъ надъ исторіей будетъ; великое будетъ волненіе, разсѣчется земля; самыя горы обрушатся отъ великаго труса; а родныя равнины отъ труса изойдутъ горбкомъ. На горбахъ окажутся Нижній, Владиміръ и Угличъ... Петербургъ же опустится».

Такихъ пророческихъ и полупророческихъ словъ въ «Петербургъ» много. Но всѣ пророчества и предчувствія Бѣлаго лишь пророчества и предчувствія хаоса и взрыва. Образа будущей Россіи онъ не провидитъ и не предсказываетъ. Тѣхъ въ устахъ Бѣлаго никогда не звучавшихъ до конца убѣдительно романтически-славянофильскихъ обпатеживаній, что портить нѣкоторыя страницы «Серебрянаго голубя», въ «Петербургъ» уже нѣтъ. Впрочемъ и въ «Серебряномъ голубѣ» они звучатъ лишь на второмъ планѣ. Весь первый планъ и тутъ занятъ изображеніемъ «прыжка надъ исторіей», взрыва сложившагося быта и европейской культуры. Изъ міра барскихъ усатыхъ и призрачно доживающихся въ нихъ въ качествѣ стѣнныхъ фресокъ на распадающихся стѣнахъ людей-персонажей, изъ міра глѣбчайшей европейской науки и собственного эклектически-утонченнѣйшаго творчества — Дарьяльскій, герой романа, смолвленный съ баронессиною внучкой Катей, уволится въ домъ бабы Матрены, «духиней» главы мистически-эротической секты серебряныхъ голубей (близкой къ хлыстовству), въ поле, въ зори, въ поля, въ трясъ, въ потъ, въ грязь, въ изступленіе и вдохновеніе религиозно-революціонныхъ экстазовъ. Это издан-

леніе Дарьяльскаго отъ призрачной жизни мертвaго быта и «трухлявой культуры» оказывается однако призрачнымъ. Городъ Лиховъ, центръ духовной молитвы и социальнo-революціонной проповѣди «голубей», оборачивается къ концу романа, какъ и Петербургъ, «городомъ тѣней». «Животворящая» секта голубей учиняетъ страшную расправу надъ Дарьяльскимъ. Сотворяетъ ему страшную смерть въ темнотѣ и топтаніи духовѣрческихъ мужицкихъ сапожищъ. Послѣднія главы «Серебрянаго голубя» исполнены, какъ и «Петербургъ», предчувствій и предсказаній революціи...

Все написанное имъ Бѣлымъ, — въ 23-мъ году, по крайней мѣрѣ, считалъ лишь «спунками» созданія грандіознѣйшей картины. Для этого своего завершающаго творенія Бѣлый, замученный и затравленный ужасными условіями жизни первыхъ революціонныхъ лѣтъ, изступленно требовалъ («Записки мечтателя» кн. 2 и 3-я) «пуды яркихъ красокъ», «громадныя полотношца» и «шесть лѣтъ», хотя бы нищенски обезпеченной жизни. Темы своего всезавершающаго творенія, своей «Эпопеи», («Записки чудака» являются первымъ томомъ «Эпопеи», «Котикъ Летаевъ» многими нитями связанъ съ нею), намѣчались Бѣлымъ все въ томъ же «Дневникѣ». Темы эти суть: катастрофа культуры, катастрофа сознанія, смерть личности, прорастаніе личности коллективнымъ «Я». «И нѣтъ, не зовите больного меня: дайте мнѣ доболѣть въ моей самости; дайте бренокной, страдающей личности Бѣлаго опочить вѣчнымъ сномъ; и передъ смертью своей написать завѣщаніе, рассказать, какъ носила умершая личность въ себѣ свое «Я»; въ этомъ лишь завѣщаніи умирающей личности — приближеніе къ предѣлу доступному ей: честно выявить голосъ писателя Бѣлаго въ мошномъ оркестрѣ мистеріи, переживаемой нынѣ».

Въ этихъ словахъ кроется послѣдняя, безмѣрно значительная для нашего времени, но на основаніи всего опубликованнаго Бѣлымъ неразрѣшимая проблема сущности и природы того «Я», въ которомъ умираетъ человѣческая личность.

Катастрофа индивидуалистической культуры, гибель гуманистической личности, гибель «самости» и рожденіе новаго коллектива, все это пережито, теоретически осознано и художественно возсоздано Бѣлымъ съ единственною глубиною и силою. Нѣтъ сомнѣнія, въ исторію русскаго сознанія все созданное имъ войдетъ какъ глубокомысленнѣйшая философія ре-

волюціи и метафизика небытія. Вопросъ лишь въ томъ — принадлежалъ-ли самъ Бѣлый до конца къ тому міру, который изображалъ съ единственнѣйшимъ мастерствомъ, къ міру небытія и катастрофъ, или въ немъ, въ его «гибнущей» личности росла и поднималась подлинная сверхъ-личная реальность: не сомнительная реальность темно-невнятнаго коллективистическаго «Я» съ большой буквы, «Я» его «Эпопеи», но подлинная реальность образа и подобія Божія, какъ единственно животворящей основы личной, социальной и національной жизни. Рѣшать этотъ вопросъ, вопросъ отношенія сверхличнаго «Я» «Эпопеи» къ Божьяго лика, я въ этой статьѣ не берусь; онъ слишкомъ сложенъ.

Въ заключеніе все-же хочется указать на то, что бывшій почти отцеубійца и революціонеръ, Николай Аблеуховъ, появляется въ послѣднихъ строкахъ эпилога къ «Петербургу» слѣдящимъ за полевыми работами загорѣлымъ дѣтщиной съ лопатообразной бородой и въ мужицкомъ картузѣ. Его видаютъ въ церкви и, слышно, что онъ читаетъ философа Сковороду.

Федоръ Степунъ.